

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф93

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Megan Frampton

ONE-EYED DUKES ARE WILD

Перевод с английского *А.Е. Мосейченко*

Компьютерный дизайн *Э.Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения Avon, an imprint of HarperCollins Publishers, и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Фрэмpton, Меган.

Ф93 Как покорить герцога : [роман] / Меган Фрэмpton ; [перевод с английского А. Е. Мосейченко]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-105767-1

Леди Маргарет Соуфорд жаждет приключений и бурных отношений — и таинственный красавец герцог Лашем с пиратской повязкой, прикрывающей один глаз, кажется поначалу идеальным кандидатом в поклонники.

Однако каково разочарование эксцентричной молодой дамы, когда выясняется, что на самом деле ее избранник — скучнейший джентльмен, образцовый герцог до кончиков ногтей, живущий лишь чувством долга и озабоченный лишь управлением фамильными именьями!

Но Маргарет не сдастся: она выбрала своего «пирата», и если Лашем не соответствует образу, который она себе нарисовала, — значит, надо слегка «подтолкнуть» его к страстным безумствам и романтическим подвигам...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Megan Frampton, 2016

© Перевод. А.Е. Мосейченко, 2017

ISBN 978-5-17-105767-1

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Подойдя к колодцу, Джорджия остановилась. Откуда такой странный запах? Пахло как будто горелым, но вокруг не было видно ни горевших деревьев, ни даже дыма, тем не менее запах ощущался явно.

Удивленно покачав головой, Джорджия пошла к колодцу, считая шаги. Это вошло у нее в привычку. Она была должна носить домой воду для отца, который был кузнецом, часто ей приходилось ходить к колодцу даже дважды в день.

Носить воду было тяжело, но Джорджия никогда не жаловалась. Отцу приходилось много работать, чтобы прокормить ее и Мэри, ее младшую сестру. Их мать умерла во время родов. Джорджия смутно помнила ее.

Надо было поторапливаться. Король сделал отцу почетный заказ — выковать подковы для лошадей. Сам же монарх отъехал в поля на весеннюю охоту, предоставив отцу месяц на работу. Кроме того, у отца были и другие заказы. Весна — жаркая пора для кузнеца.

Глава 1

1844 год

На лондонском балу

Лашем сделал большой глоток, хотя прекрасно знал, что головную боль не лечат вином, напротив, от вина будет только хуже. Но ради того, чтобы забыться, хотя бы слегка, он был готов и не на такую жертву.

Ему смертельно надоело все время смотреть на себя как на герцога Лашема, иначе говоря, как на очень важную особу. Так, во всяком случае, считали все, за исключением его самого; куда бы он ни пришел, он всегда оказывался в центре внимания, от которого никуда нельзя было деться.

В бальном зале собрались все сливки высшего света. Но в отличие от всех тех, кто сюда пришел, он никогда не чувствовал себя так легко и непринужденно, как они. Разве могло быть с ним такое, да никогда в жизни! Лашем стоял с краю, наблюдая за развевающимися платьями дам, чем-то напоминавшими ему детскую игрушку — юлу.

Хотя в детстве ему не позволяли играть с таким веселыми и смешными игрушками, как юла, но разглядеть ее — увидеть забавное в человеке — он мог.

— Наслаждаетесь одиночеством, ваша светлость? — раздался вдруг чей-то голос с той стороны, где находился его слепой глаз. Лашем вздрогнул от неожиданности, отчего вино пролилось ему на перчатку, и обернулся. Почти рядом, сбоку стояли хозяйка дома и две ее дочери. С Лашемом постоянно происходили недоразумения из-за утраченного глаза, весьма досадные, но вовсе не смертельные, хотя они сильно его раздражали.

— Да, похоже, что так. — Лашем вежливо поклонился сразу всем трем дамам.

Дамы молча смотрели на него во все глаза, словно ожидая, что он скажет дальше, какой гранью герцогского величия их удивит, как будто он был не человек, а живое воплощение чего-то возвышенно высокого.

Однако Лашем не мог играть свою роль по щелчку пальцев, даже для небольшого представления ему требовалось вдохновение. Кроме того, ему надо бы-

ло как можно быстрее снять мокрую от вина перчатку, прежде чем идти танцевать с какой-нибудь дамой из внесенных в его список приглашенных. Если бы дама вдруг заметила, что у него влажная перчатка, то по ошибке могла бы счесть, что влажной она стала от пота, что герцог вспотел от волнения, танцуя с ней, а это вызвало бы у нее определенные надежды и, что еще хуже, назойливые и глупые вопросы, на которые ему вообще не хочется отвечать.

Нелегко все-таки быть объектом пристального внимания высшего общества! У себя дома он отдыхал от роли герцога, дома он мог быть самим собой. Какое же это было блаженство! Но если бы он женился, то рядом с ним все время находился бы человек, который, в этом у Лашема не было никаких сомнений, смотрел бы на него точно таким же выжидающим взглядом.

— Извините меня, — вежливо произнес он, обращаясь к глядевшим на него широко раскрытыми глазами дамам. Поклонившись, он быстро пошел прочь с таким видом, будто вспомнил о каком-то важном деле, хотя на самом деле ему хотелось одного: чтобы его оставили в покое.

— Моя взятка. — Маргарет улыбнулась и, наклонившись, пододвинула карты к себе, к куче золотых монет и банкнот, лежавших сбоку от нее. Она оглянулась по сторонам: на лицах сидевших слева и справа от нее игроков виднелись явные признаки недовольства. Начав игру как обычно, с небольшого проигрыша, она потом с лихвой наверстывала упущенное и под конец выигрывала очень крупную сумму.

Нет-нет, Маргарет никогда не стала бы шулерничать во время игры, она просто умела мастерски играть, в отличие от ее партнеров. Обладая прекрасной

памятью, она запоминала, какие карты уже вышли, и, более того, предугадывала, какие карты из оставшихся будут следующими брошены на стол.

Порой Маргарет откровенно скучала за игорным столом, все время выигрывать надоедало, но игра была для нее не просто забавой, а источником денежных средств, помогавших поддерживать положение в свете. Богато украшенные платья, которые являлись визитной карточкой дам высшего общества, плюс другие расходы на не столь значимые увлечения. Ей везло в игре, и проигрывать она вовсе не собиралась. Разве кто-нибудь из тех, кто садился за стол, хотел проиграть? Никто и никогда.

Хотя иногда, после особенно крупного выигрыша, Маргарет, как ни странно, хотелось проиграть: встретить достойного противника, который был бы ей равен или даже превосходил ее мастерством и ловкостью.

Но, похоже, это было невозможно. По крайней мере, до сих пор такой противник ей не попадался.

Не то чтобы Маргарет была не рада тому, что оказалась на балу, она была еще как этому рада. По правде говоря, ее приглашали не из-за того, что она умела так хорошо играть в карты, а из-за ее скандальной репутации, в меру скандальной. Хозяйки великосветских салонов, приглашая Маргарет, тем самым как бы подчеркивали свою смелость и оригинальность, поскольку Маргарет благодаря ее особому положению в обществе придавала праздничному событию определенную пикантность.

То, что она оказалась способной самостоятельно добывать средства к существованию, а также ее увлечение, на которое она тратила выигранные деньги, заставляло многих благожелательнее относиться к ее скандальному прошлому.

— Вы сдаете, леди Софи, — проворковала Маргарет, протягивая карты. Леди Софи взяла колоду, кивнув в знак согласия. Маргарет с небрежным видом откинулась на спинку стула и оглянулась по сторонам.

Она уехала из дома, когда родители от нее отреклись. И вот в Лондоне она пребывала уже несколько месяцев, а впечатление было таким, как будто она никогда не уезжала из столицы. В провинции Маргарет скучала по Лондону, хотя жизнь за городом ей нравилась. Она любила часами гулять среди полей и рощ, над чем-нибудь размышляя. Размышлять ей никогда не надоедало.

Однако в Лондоне пищи для размышлений было намного больше, чем в провинции, не говоря уже о разного рода светских событиях, в которых ей приходилось принимать участие. Она посещала мероприятия наподобие этого бала, наносила визиты сестре, герцогине Гейдж и ее племяннице, а также продолжала развивать дальше чрезвычайно увлекательную любовную линию ее романа-сериала, который пользовался у читающей публики таким успехом, что его продолжения печатались еженедельно. Литературный успех придавал ее скандальной репутации особое очарование.

А еще приходилось избегать встреч с родителями.

Маргарет стиснула зубы от одного лишь воспоминания о том, как отнесли ее отец с матерью к ней после того, как она наотрез отказалась выходить замуж по их указке. Они буквально перестали ее замечать. Как вообще можно было надеяться, что она выйдет за такого неприятного типа, как лорд Коллингвуд?! Хотя жених, по-видимому, испытывал к невесте примерно такую же неприязнь, как и она к нему. Лорда Коллингвуда интересовали только деньги в виде приданого к ее телу. Ее отказ сильно расстроил ее

родителей и нарушил их планы относительно второй дочери.

Ей было до слез обидно видеть подчеркнуто демонстративное равнодушие к ней отца и матери, хотя к подобному отношению давно уже следовало бы привыкнуть. Вероятно, ее появление в высшем свете, ее успех и то, что она жила без их поддержки, раздражало родителей, а может, они о ней и не думали.

— Леди Маргарет?

Она настолько ушла в свои мысли, что забыла об игре, а как раз была ее очередь ходить. Девушка быстро проглядела свои карты, рассортировала по мастям и посмотрела на кучу отброшенных карт. Там точно уже были валет червей, двойка и десятка червей. На руках у нее было четыре червы, значит, не разыгранными оставались еще шесть карт этой масти. Прикинув, каких карт ей недостает, она скинула даму, затем положила на стол шесть бубен.

Пока в игре не так много червей, с какой-то непонятной грустью подумала Маргарет. Хотя не стоило играть сердцем. Впрочем, она пока никому не отдала своего сердца. После неудачной помолвки с лордом Коллингвудом ее сердце оставалось целым, даже несколько не поцарапанным. Конечно, гордость ее пострадала, но ее лечить было намного проще, чем сердце.

Игра остановилась, так как к столу вплотную подошел напудренный лакей с подносом, на котором стояло вино. Все, кроме Маргарет, взяли по бокалу. Вдруг краешком глаза она увидела огромную тень, а затем руку, протянувшуюся за бокалом с вином.

Это был огромный мужчина и вместе с тем настоящий джентльмен; размерами он походил на медведя или на огромныйдвигающийся валун, хотя появление на балу медведя вызвало бы настоящий пере-

полох, да и освежаться вином ни медведю, ни валуну вовсе было ни к чему. Как только Маргарет окинула его быстрым, все замечающим взглядом, внутри у нее что-то сжалось от сладкого томления и горло перехватило.

Незнакомец выглядел так, как будто сошел со страниц ее самого смелого и возмутительного романа. Он был не просто высок, а очень высок, выше всех остальных мужчин в бальной зале, и очень широкоплеч. Не будь его пиджак скроен так хорошо, вероятно, он трещал бы по швам. Однако костюм, видимо, сшитый искусным портным, сидел на нем как влитой, подчеркивая силу его фигуры.

Он был сложен как бог, но еще большее внимание привлекало лицо незнакомца — красивое и мужественное, под стать его фигуре. В отличие от многих других мужчин он был тщательно выбрит, что лишь добавляло ему обаяния. Конечно, внимание обычных людей прежде всего привлекала черная повязка на его левом глазу; плотно обхватывающая голову, она своим цветом подчеркивала темный цвет его волос.

Вдруг он перехватил взгляд Маргарет и напряженно замер, как будто узнав ее и сделав вид, что не хочет с ней разговаривать. Или хуже того, он понятия не имел, кто она такая, и ему был неприятен ее пристальный взгляд.

Как бы там ни было, Маргарет мысленно пожалала плечами, он явно не испытывал никакого желания идти на сближение с ней. Жаль, по ее мнению, он выглядел весьма опасно и очень соблазнительно.

— Моя взятка, — проговорила леди Софи, взяв золотые монеты. Маргарет удобно откинулась на спинку стула — шокирующая для светской дамы манера поведения, уже седьмой по счету проступок за сегодня.

Первой шокирующей выходкой было то, что она нахально выигрывала за карточным столом, это был небольшой перебор даже для леди с несколько запятнанной репутацией. Вторым и третьим проступком было то, что она отказывалась носить шляпки и платья неброских цветов, считавшихся благопристойными для девушек и незамужних женщин. Тусклые цвета не нравились Маргарет, и как бы там ни было, она не хотела подчеркивать свое незамужнее положение, поэтому вместо скучного и пресного светло-желтого девичьего наряда она надела синее платье — и не просто светло-синее под цвет утреннего неба, а ярко-синее, каким бывает летнее небо в ясный солнечный день.

Среди следующих из семи проступков, выходящих за рамки приличий, был отказ пойти танцевать с джентльменом, который пригласил ее, зная о ее не совсем идеальной репутации. Он явно имел дурные намерения на ее счет, а также прекрасно знал, что она выпила уже два бокала вина. Впрочем, Маргарет не была точно уверена в количестве своих выходов, она подозревала, что их гораздо больше, чем она думала.

Тем не менее ее приглашали, и как знать, не по этой ли причине?

Впрочем, кое-какие свои проступки она видела ясно, ставя знак равенства между излишне свободной манерой сидеть на стуле и твердым отказом позвавшей ее танцевать нахалу, равно как и очевидным предпочтением игре в карты перед танцами. Но будь она мужчиной, на такое ее поведение смотрели бы сквозь пальцы. Она могла бы сидеть на стуле, как ей заблагорассудится, выпивать столько бокалов вина, сколько хотелось, и не задумываясь отказывать всем тем, с кем было противно танцевать. Маргарет тихо вздохнула: ах, как было бы хорошо иметь такую возможность, но увы, это были всего лишь мечты.

Краем глаза она увидела другую мужскую фигуру, которая в отличие от одноглазого пирата несколько ее не заинтересовала. Маргарет узнала этого человека и не хотела не то что разговаривать с ним, а даже видеть его. По правде говоря, они не виделись с тех пор, как ее отец с матерью объявили, что она должна выйти за него замуж. Он даже не удосужился приехать лично, просто позволил ее родителям сообщить ей о том, что договоренность достигнута. От одной мысли, что она была в шаге от того, чтобы потерять свободу, Маргарет чуть не заскрипела зубами от злости.

Девушка гордо вскинула голову. Хотя это было чрезвычайно глупо с ее стороны: незачем было выделяться, если она хотела, чтобы он ее не заметил.

— Прощу извинить меня, — спохватившись, Маргарет кивнула одному из близко стоявших к игральному столу наблюдателей, — вы не хотите занять мое место? Здесь так душно, мне хочется немного подышать свежим воздухом.

Не дожидаясь ответа, она быстро поднялась с места и устремилась в сторону, противоположную той, откуда шел лорд Коллингвуд.

Лашем спокойно держал в не облитой вином руке бокал и размышлял, кто была та дама, которая так твердо, без всякого смущения встретила его взгляд. Подобная манера поразила его. Как правило, при встрече с ним леди либо отводили глаза, либо их опускали, потому что их смущал его слишком громкий титул, а еще больше их пугала его наглазная повязка. Однако незнакомка смотрела на него без тени смущения и чуть дольше, чем полагалось согласно приличиям, так что он сам отвел взгляд от ее лица.

Она была старше молоденьких девушек, которых только что начали вывозить в свет, — их отличитель-

ной чертой было глупое хихиканье, — но не много. Незнакомку никак нельзя было назвать красавицей, ее нельзя было сравнивать со светскими львицами, однако от нее шло какое-то непонятное сияние, как будто ее покрывал блестящий слой звездной пыли. Какая странная и нелепая мысль, Лашем даже не знал, откуда она взялась.

Волосы у знакомки были чудесные, каштанового цвета, густые, блестящие, один локон кокетливо свисал сбоку, падая на обнаженное плечо. Большие, карие, под цвет волос глаза, окруженные длинными ресницами, поражали своей красотой. Рот, пожалуй, был слишком велик, но этот недостаток искупали чувственные губы. Когда он смотрел на нее, он заметил ее лукавую улыбку, от которой на щеках девушки появились симпатичные ямочки. В отличие от гордых и недоступных светских красавиц она выглядела открытой и общительной. Лашем насторожился, потому что не понимал, кто она, и у него не было никакого желания познакомиться с ней поближе. Кроме того, она казалась ему опасной, это ощущалось на подсознательном уровне.

Лашем шел сквозь расступавшуюся перед ним толпу, кивая налево и направо и стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Сейчас ему меньше всего хотелось говорить с кем бы то ни было. Он жаждал уединения, постоянное пристальное внимание со всех сторон утомило его. От него как будто все время ожидали, что он то ли совершит нечто замечательное и благородное, то ли выкинет что-нибудь неприличное.

Выйдя из зала, у входа в который вечно толкались слуги, он прошел к небольшим дверям и вошел в помещение, тихо закрыв двери за собой. Оглянувшись по сторонам, он понял, что очутился в небольшой би-

блиотеке. Падавший в окна свет от уличных фонарей мягко освещал комнату. Лашем прошел к окну и прислонился к подоконнику. За окном внизу вдоль освещенной улицы выстроились кареты и экипажи со сгорбленными фигурами ждавших хозяев кучеров. Желтый свет фонарей был не очень ярким, ночь обступала фонари со всех сторон так, что они казались угасающими кусочками ушедшего дня.

Наконец-то Лашем был один, им овладело блаженное расслабляющее ощущение одиночества.

Только он собрался вернуться обратно в бальный зал к своим обязанностям — развлекать гостей и танцевать с начинавшими выезжать в свет девушками, — как вдруг двери приоткрылись.

В библиотеку тихо вошла женщина. Посмотрев назад в зал, она поспешно прикрыла за собой дверь. Он ее сразу узнал. Разумеется, это была она — незнакомка, от которой исходил звездный блеск. Так вот почему она смотрела на него. Лашему стало вдруг досадно: опять его преследовали! Неужели она подумала, что может завлечь его в свои сети?

— Вы должны уйти, — вдруг вырвалось у Лашема. Это прозвучало слишком грубо, что было совсем не характерно для него.

Незнакомка вскинула голову, словно до этого не замечала его, отчего Лашему стало немного неловко.

— Я должна уйти? — переспросила она не то удивленно, не то насмешливо. — Я только что вошла, и мне кажется, что уйти должны вы, а не я. Вы достаточно долго пребывали здесь, милорд. Позвольте и другим немного отдохнуть в тишине.

«Милорд», хм. Похоже, она в самом деле не знала, как его зовут. Лашем даже растерялся — это приятно удивило его и вместе с тем немного задело.

— Нет, — машинально отозвался Лашем. Свое «нет» он как бы адресовал всем тем, кто что-нибудь от него хотел: пригласить его на светский вечер или бал, и все лишь потому, что он был герцогом. «Нет» так легко соскользнуло с его губ, словно он говорил его всю жизнь, каждый день и каждую минуту.

— Нет? — насмешливо переспросила незнакомка; ей никак нельзя было отказать в чувстве юмора. Она прошла по библиотеке, шелестя юбками.

— Хорошо, в таком случае было бы неплохо представиться друг другу, раз здесь нет никого, кто бы взял на себя эту обязанность.

Она подошла на шаг ближе и, опершись рукой о спинку дивана, произнесла:

— Я леди Маргарет Соуфорд.

Наклонив голову, она выжидающе посмотрела на него.

— А теперь ваша очередь.

— Ах да, — спохватился Лашем. Ее свободная манера общения, как ни странно, нравилась ему. Хотя это и выглядело чуть неприлично, ему почему-то было приятно. Кроме того, она смотрела на него прямо, без всякого заискивания во взоре. Для Лашема это было все равно что глоток свежего воздуха. Впрочем, как только она узнает, кто он, наверняка все переменится. «Да, ваша светлость, я сейчас немедленно уйду». Но тут ему в голову пришла другая мысль, намного более неприятная, чем первая. «Нет, ваша светлость. Я не могу так просто уйти. Вы же знаете, что будут говорить, когда узнают, что мы с вами были наедине. Вы скомпрометировали меня, и теперь ваш долг исправить сложившееся положение».

— Я герцог Лашем. Очень рад нашему знакомству, леди Маргарет.

Она кивнула и слабо улыбнулась.

— Вот и прекрасно, ваша светлость. Теперь мы, как и положено, представлены друг другу. — Маргарет указала рукой на диван: — Вы позволите мне присесть? Обещаю, что не буду досаждать вам глупыми разговорами. Мне просто хочется немного отдохнуть.

Лашем не знал, что ответить — настолько он растерялся. Оказывается, она не собиралась ловить его в свои сети или просить о каком-нибудь одолжении, ей ничего не было от него нужно. Просто побыть в тишине — вот что она хотела, и ничего больше.

Лашем, утративший от удивления дар речи, молча смотрел, как она, устав ждать от него ответа, присела на диван, откинула голову назад и закрыла глаза.

— Если хотите, то можете также присесть, — произнесла Маргарет тихо с закрытыми глазами. — Помните, вы не собирались уходить.

— Но... — к Лашему наконец вернулся дар речи, — если нас заметят тут вдвоем, то вы попадете в неловкое положение. Быть наедине... — он опять замялся, — как вы сами понимаете, это не совсем прилично.

Лашем осознавал, что выступает в роли зануды и педанта, читающего мораль, хотя буквально пару минут назад твердо и недвусмысленно сказал ей «нет».

— Ну и что из этого? — усмехнулась Маргарет. — Будем считать, что сейчас вы сделали мне соответствующее предложение, а я неблагоразумно вам отказала. Моя репутация от этого, конечно, пострадает, но смею вас уверить, она станет не намного хуже. — Маргарет открыла глаза и посмотрела на него. — В конце концов, это же не конец света.

У Лашема от удивления отвалилась челюсть. Не конец света? Кто она? Обычно ему в таких случаях отвечали: «О, ваша светлость, я уже ухожу», или — «я не прочь выйти за вас», или — «как вам будет угодно».